

У деда на плечах я чувствую себя всемогущим. Трогаю люстру, заглядываю в плафон и шурюсь от яркого света. Вытягиваю руки и «хожу» ладонками по потолку, а мама пугается за его белизну. Если старший брат дома, я не могу отказаться от удовольствия потрепать его за волосы. Только с высоты дедушкиного роста я и могу это сделать.

– Я старше тебя на десять лет, – не раз говорил брат. – И выше тебя на десять в квадрате сантиметров!

Я шел к родителям выяснять про этот квадрат, из-за которого Ванька такой высокий. Папа объяснял, что десять в квадрате – это сто, а сто сантиметров – это целый метр. Я расстраивался еще больше.

Зато, сидя у деда на плечах, я прибавляю и в росте, и в возрасте! Проплывая мимо, хлопаю Ваньку по голове. Ванька сердится и в ответ принимается щекотать деда. Дед смеется и извивается. А я приплясываю наверху, то захлебываясь от восторга, то визжа от страха. Мама уговаривает нас все это прекратить. Но оно продолжается.

И только бабушка может нас унять, а точнее, разнять. Стоит ей войти в комнату и спокойно сказать: «Митя, перестань. Покалечишь мелкого», как дед спускает меня на пол. Кутерьма заканчивается, будто и не было. Только еще несколько минут мы не можем отдышаться.

Митя – это мой дед. А мелкий – это я, стало быть.

Дед любит мою бабушку. Я долго этому удивлялся и однажды спросил деда напрямую. Оказалось, что моя бабушка деду жена! А хороший муж любит жену.

Я очень хочу быть таким же хорошим мужем, как дед. Но радуюсь, что у меня пока нет жены. Я не смог бы всю жизнь любить такую старую жену, как бабушка.

Совсем другое дело у деда на коленях. Там я чувствую себя маленьким. Не смейтесь! Всем взрослым иногда нравится побыть маленькими. Я это знаю наверняка. У деда на коленях порой даже мама сидит. Она говорит что-то, а дед гладит ее по голове и покачивает. Как они умещаются вдвоем на кресле – не представляю. Мама больше сидит на подлокотниках кресла, чем на коленях деда, и ноги у нее свешиваются до самого пола. Ужасно неудобно. Я все хочу подсказать ей, что нужно залезть с ногами и поджать их под себя. Но не решаюсь мешать им. Знаю про себя: когда секретничаю с дедом, то готов укусить любого лешего.

Мне нравится перебирать колечки белых волос на груди деда. По дому он всегда ходит без верха. То есть без рубашки. Я усаживаюсь поудобнее, руками он обхватывает меня в кольцо, и я становлюсь маленьким-маленьким. Наверное, меньше Ваньки на все его десять в квадрате. Ну и пусть!

– Дед, расскажи, как ты в войну выжил? – однажды спрашиваю я и сам удивляюсь вопросу.

Дед снимает очки и закрывает глаза. Я прижимаюсь головой к его груди. Когда дед говорит, что-то внутри него вибрирует.

– Меня спасла желтая куртка...

Я нечаянно хихикаю. А дед продолжает:

– Мой старший брат ушел на войну. Последний раз стоя на пороге нашего дома, он отдавал мне указания. Мама плакала и то целовала его, то крепостила. Мы оставались вдвоем. Отец три года как был на фронте. Последнее его письмо мы перечитывали уже два месяца. Брат утешал маму, говорил, что два месяца назад папа точно был жив. А за два месяца разве может что-то случиться? Нет! Значит, папа и сейчас жив.

Я поддакивал и обнимал маму, а сам думал: два месяца – это как письмо дошло до нас, а сколько оно было в пути? Может, еще столько же... А это уже четыре месяца, а за четыре месяца могло... Тут я пугался собственных мыслей и тряс головой, чтобы они из нее вылетели. Мама улыбалась и говорила, что я делаю точь-в-точь как жеребенок. Мы с братом радовались, что смогли отвлечь маму.

Уходя на фронт, брат снял с вешалки свою желтую куртку и надел на меня.

– За старшего! Там в боковых карманах спички, в потайном – кусок сахара, а в подкладку зашиты три куска хлеба. Все хорошо будет! – Тут он наклонился ко мне и прошептал в самое ухо: – Подкладку вспорешь, только если с матерью станет что.

Брат ушел. Первое время он писал очень часто. Потом письма прекратились. Женщины говорили, никому не пишут. Это немного успокаивало нас. Раз никому, значит, что-то с почтовым сообщением. Мы убеждали себя, что всех разом убить не могли. И ждали.

Желтую куртку я не снимал. Поверх мама повязала мне шаль. По ночам я представлял, что согреваюсь теплом брата и мамы одновременно.

Спички мы экономили, старались разжигать печку-буржуйку, потратив лишь одну. Когда из еды у нас был только кипяток, я доставал из потайного кармана кусок сахара и ножом немного крошил его в стаканы. Мама хвалила меня, говорила, что я – ее помощник и опора. Однажды кусок сахара выскользнул у меня из рук и упал в стакан с кипятком. Я вскрикнул, мама вздрогнула, и мы вдвоем уставились в граненый стакан. На дне растворился наш последний сахар. Он расходился по воде мутными, словно маслянистыми, разводами.

Мама обняла меня и сказала, что сегодня у нас будет сладкий завтрак! Как в старые мирные време-

на, когда она с вечера ставила тесто, а утром пекла пироги. Мы принялись вспоминать любимые начинки:

– Я всегда просил с вареньем! – весело сказал я.

– Папа любил с брусникой, – присоединилась мама. – А твой брат – с сушеной клубникой.

– Мам, а ты какие любила?

– А я любила вас. Давай завтракать.

Облизнувшись и выпив сладкий кипяток, в то утро мы были почти сытыми.

Скоро мама заболела. От голода. Все съедобное, что оказывалось в доме, она отдавала мне. Я пытался вернуть ей половину, но она ни в какую не брала, и я с жадностью съедал все сам.

Наказ брата о подкладке желтой куртки я нарушил. Вспорол его, когда мама первый день не смогла встать с кровати. Вытащил хлеб, он уже превратился в черствые сухари. Я отмочил их в воде и кормил маму с ложечки. Она не сопротивлялась. Не было сил.

Вместе с хлебом под подкладкой я нашел свернутую в несколько раз бумажку. Это была похоронка. Каким-то образом брат перехватил ее у почтальонки. Дрожащими руками я свернул ее и, как умел, большими кривыми стежками зашил обратно в подкладку.

– Чем ты шуршишь? – мама слабо окликнула меня с кровати.

– Обрывком старой газеты, – соврал я и почему-то почувствовал одобрение брата.

Через неделю мама встретила папу на небе. Или он ее встретил. Точно не знаю.

Брат вернулся с победой и двумя шрамами. Живой! Меня, тощего и серого, он признал по своей желтой куртке.

Дед долго молчит. А я плачу на его коленях.

Потом я иду к Ваньке и прошу поносить его куртку.

Он не дразнит меня, он разрешает:

– Только дома!

Я до вечера хожу в Ванькиной куртке и радуюсь, что все мы живы. Дедушка, бабушка, папа, мама, Ванька и я.

